

Итоги исследования представлены в “Заключении” (с. 249–251).

Как следует из сказанного выше, рецензируемая работа, ориентированная на реконструкцию истоков, условий формирования и истории лексико-семантического поля оценочно-модальной лексики русского языка, содержит анализ огромного лексического материала русского языка в славянском и индоевропейском лексическом окружении, с пристальным вниманием к этно-культурно-историческим обстоятельствам, семантическому и когнитивному анализу. Основательность исследования сообщает несомненный значительный научный интерес и ценность полученным результатам, из которых следует отметить новое обоснование существующих этимологических решений и предложение ряда новых гипотез, определение мотивационных моделей лексических средств выражения оценочности и модальности, начиная с праславянского периода и вплоть до современного русского языка, с реконструкцией их культурно-исторических и когнитивных оснований, определение значительной степени устойчивости этих моделей в истории языка, определение внутриславянских (преимущественно восточно-западнославянских) и индоевропейских (славяно-балто-германских) изоглосс, разработку гипотез о роли субстратных процессов (в ареале предполагаемого симбиоза с кельтами и иранцами) в формировании этой лексики.

Примечания

¹ См. Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. XVII // *Этимология* 1988–1990. М., 1992, 55–57.

² Якушкина Е.И. Сербохорватская этическая лексика в этнолингвистическом освещении: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2003.

³ Варбот Ж.Ж. Славянские этимологии (*opoka; *nadovъsъ и *nadovъsъnъ; *žežель; *kobica, *zakobель и др.; *xorošъjъ и *xorxoriti se) // *Этимология* 1979. М., 1981, 37–42 (к сожалению, Л.П. Дроновой учтена лишь краткая версия этой статьи в популярном журнале).

⁴ Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 188.

⁵ Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991, 188.

Ж.Ж. Варбот

Нѣдѣ́ ма́насѣ. Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Л.Г. Герценберга / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2005.

Сборник статей, посвященный 70-летию со дня рождения проф. Л.Г. Герценберга, очень разнообразен и интересен как для индоевропейцев, так и для этимологов.

Сразу же отмечу удобство пользования книгой, снабженной добротными словоуказателями, похвальную работу редакторов и корректоров

даже над самыми трудными, перегруженными диакритикой и специальными знаками, статьями (к примеру, А.С. Николаева).

Сборник открывается вступительной юбилейной статьей *Н.Н. Казанского* “К юбилею профессора Леонарда Георгиевича Герценберга”, сопровождаемой списком трудов Л.Г. Герценберга (составил *А.С. Николаев*).

Статьи сборника сгруппированы в три раздела. Первый раздел озаглавлен “Общие проблемы индоевропейской реконструкции”.

В статье *В.Р. Шмальцтига* рассматривается периодическая природа языковых изменений. Автор развивает идею Одри¹ о том, что изначально в и.-е. претерите переходных глаголов было три морфологических показателя: *-s* – одушевленных источников или исполнителей действия, *-m* – неодушевленных орудий и *-ā* – средств (позднее показатель женского рода). Когда первичная эргативная система преобразовалась в номинативно-аккузативную, эти показатели стали функционировать как падежные окончания номинатива. Дальнейшее изложение представляет собой иллюстрации к данному положению. Наблюдения и аргументы автора не вызывают особых возражений. Сомнение закрадывается относительно будущего окончания ж. р. Едва ли на столь ранней стадии развития и.-е. сообщества женщина воспринималась как средство или орудие, объект действия (это свойственно позднейшим патриархальным картинам мира). Древнейшие слои и.-е. мифологии рисуют общество, в котором женщина играла весьма активную роль основного деятеля, творца и родоначальника (ср. мать богов, хозяйка очага, родоначальница племени). Продленная ступень вокализма падежных окончаний в и.-е. ареале очень давняя: ср. имена сущ. ж. р. на *-ā, -ē/η, -ī, -ō/ω, -ū* (в средиземноморском ареале). Остается гадать, какое первичное значение имел показатель *-ā* в эргативном строе.

В статье *Ю.К. Кузьменко* рассматривается история количественных изменений в германских языках. Речь в статье идет последовательно о средне-германских изменениях количества (СГ-СГ в СГС:Г или СГ:СГ), о поздне-средне- и ранне-ново-германских изменениях количества (СГС:Г в СГСГ) и ново-германских количественных изменениях новейшего времени. Автор отмечает функциональное различие подобных изменений.

В статье *А.С. Николаева* “К действию закона Рикса в древнегреческом языке” предположено, что так называемый закон Рикса (1970) не действовал перед назальными сонантами в греч. языке. Взамен предлагается усматривать в данном случае развитие стечения ларингала, носового сонанта и последующего согласного в альфу с последующим согласным. Для иллюстрации своего положения автор внимательно присматривается к уже известным прежде примерам и предлагает несколько новых этимологий. В результате проведенного исследования он утверждает, что все эти примеры можно толковать как продолжения архетипов с полной ступенью огласовки корня на носовой, а действие закона Рикса ограничено только случаями с плавными сонантами. У читателя статьи

возникает еще более крамольная мысль о том, что никакого анляутного ларингала перед назальными сонантами в и.-е. праязыке не было вообще. Существующие рефлексy – результаты перехода просодических признаков слогообразующих носовых и плавных сонантов на уровень вокализма (припоминаем положение, высказанное некогда Л.Г. Герценбергом). По старинке – “вокализация сонантов”. Статья очень полезна для индоевропейцев, в ней исследуются интересные языковые факты, вдумчиво рассматриваются некоторые “общепринятые положения” и “общие места” современной индоевропейистики.

В статье М.Н. Боголюбова “К сакскому спряжению” рассматриваются личные формы прошедшего времени переходного глагола, восходящие к причастию прошедшего времени страдательного залога (причастие на *-ta*), и вспомогательная функция гл. *dā* ‘делать’ в активном спряжении страдательного причастия переходного глагола (как в осетинском).

3. Тремблей в статье “Строение хотано-сакского агентивного претерита (Вопросы сравнительной грамматики иранских языков IX)” приходит к заключению, что осетинский и сакский языки должны были оказать друг на друга значительное влияние. И в том, и в другом наблюдается аналогичное строение агентивного претерита (инновационная изоглосса). Это положение будет принято сочувственно теми, кто занимается историко-этимологическим изучением осетинского языка и языковых реликтов сарматского и туранского происхождения в Северном Причерноморье.

В статье У. Лемана “Слияние: санскритские глаголы с суффиксом *-ni-*” рассматривается происхождение пятого глагольного класса в санскрите. Автор продолжает аргументировать свое положение, высказанное более полувека тому назад², и полагает, что этот суффикс образован путем слияния назального инфикса с последующим ларингалом. Назальный инфикс первоначально мог иметь каузативное или фактитивное значение. Весь пятый класс глаголов в санскрите был сформирован в разное время по аналогии. Автор полагает также, что по мере углубления знаний по анатолийским языкам усиливается аргументация в пользу идентификации ларингалов, добавленных к корням для образования основ глаголов двух глагольных классов санскрита. Свидетельства других и.-е. языков применимы для интерпретации пятого глагольного класса и выявляют ошибочность выделения *-w-* детерминатива.

В статье Х.К. Мелчерта “Лат. *īnsolēscō*, хетт. *šulle(šš)* – индоевропейские стивы на *-ē-*” уточняется семантика и этимология хетт. гл. *šulle-*, который описывает особый порок, грех неблагодарности и неуважения по отношению к благодетелю. Однако толкование словообразования и семантики лат. гл. *īnsolēscō* в этой связи вызывает сомнения, которые, похоже, остались и у самого автора (см. с. 97).

В статье Э. Рикен “Сочинительные словосложения в хеттском языке” рассматриваются сложные слова этого типа, в состав которых входят термины родства и т.п.

В статье А.В. Шацкого “Хеттские прилагательные с суффиксом *-ant-*” обращено внимание на самую необычную функцию этого суффикса – образование имен общего рода, которые практически всегда выполняют роль подлежащего, от имен среднего рода, а также неодоушевленных имен общего рода, которые не могли занимать эту позицию. Гомогенное хеттское причастие при переходных глаголах имело пассивное значение, а при непереходных – активное. Кроме того, при помощи суф. *-ant-* образовывались прилагательные и существительные общего рода. Последним уделено особое внимание в данном исследовании. Попутно отмечено, что и суф. глаголов состояния *-ešš-* мог присоединяться и к именным и к глагольным основам (с. 108). В алфавитном порядке рассматриваются следующие формы: *aḥarriyant-*, *alpant-*, *ašlant-*, *amiiant-*, *annanuzziyant-*, *andarant-*, *araḥzenant-*, *aršanant-*, *arzanant-*, *ašiwant-*, *aššuwant-*, *aššūšant-*, *enant-*, *ḥaḥalant-*, *ḥappinant-*, *ḥūmant-*, *innarawant-*, *irmalant-*, *idalawant-*, *ganinant-*, *karant-*. Рассмотрение отдельных примеров не дало автору оснований говорить о таких хетт. прилагательных как о целостном по происхождению и значению классе слов. У одной части примеров угадывается отглагольная природа, у другой части – аналогическое распространение суффикса *-ant-*. Часть слов может содержать другой суффикс *-want-*. Предполагается несколько случаев словообразования под влиянием контекста. В заключении автор отметил, что не стоит говорить об особенном суф. *-ant-*, который образует прилаг. от сущ. и прилаг. На деле мы имеем дело с суф., образующим причастия от глаголов, хотя в некоторых случаях он по аналогии присоединялся и к именным основам.

В статье Б.Б. Ходорковской “К вопросу о ранней истории латинского перфекта на *-vi*. Античные грамматики о группе глаголов *temini, odi, novi*” делается попытка реконструкции ранней истории перфекта на *-vi* в период дописменной латыни. Автор статьи опиралась на высказывания грамматиков Древнего Рима и ограничилась рассмотрением перфекта только корневых глаголов. В результате исследования автор пришла к такому умозаключению. Лексическое наполнение класса перфекта на *-vi* шло главным образом за счет корневых эвентивных глаголов, обозначающих действия, присущие человеку на ранней стадии истории: ‘переть’, ‘прясть’, ‘пасти’ и т.д. Эти глаголы характеризуются определенной структурой корня *-EN* и *-ENR*. Первую имеют большей частью стативные глаголы со знач. ‘понимать’, ‘знать’, ‘слышать’, ‘быть полным’, ‘иметь привычку’ и др. Соотношение форм перфекта на *-vi* и причастия на *-tus* в этой группе стативных глаголов характеризуются общностью полной ступени вокализма корня.

Статья Д. Пти “Причастие глагола ‘быть’ в древнепрусском языке” посвящена формам причастия настоящего времени *-sins, -sentismu*. Прусские графические варианты *-sin(t)-* и *-sent-* не восходят, по мнению автора, к архетипу **sent*, и сравнительные данные исключают возможность существования алломорфа **h_s-ent-*. Автор предлагает интерпре-

тировать др.-прусс. **s-ent* как форму аналогического происхождения под влиянием **i-ent*, причастия глагола “идти”, производного от **i-ant* (< и.-е. **h₁i-ont-*), с сопутствующим умлаутом суффиксального гласного после сонанта [i]. Можно предложить и альтернативную интерпретацию этого и подобных явлений в др.-прусс. языке как результата своеобразного “сингармонического выравнивания” в пределах слова или синтагмы.

Н. Отингер в статье “Гистерокинетические N-основы как имена деятеля: по поводу греч. ἐρσῖν ‘самец’ и др.” анализирует и.-е. гистерокинетическое склонение в связи с семантической деривацией. Среди гистерокинетических имен обнаруживаются имена собирательные (собирательной множественности) и имена деятеля. Большая часть N-основ, формирующих названия животных, – имена деятеля. К примеру, греч. ἐρσῖν ‘самец’ продолжает и.-е. **h₁rs-én-* ‘копытное животное мужского пола’, первоначально ‘пихающий, толкающий’ (ср. вед. *ṛśáti* ‘пихает, толкает’).

Второй раздел сборника озаглавлен “Лексико-семантическая реконструкция и этимологические исследования” и содержит следующие статьи.

В статье *В.Н. Топорова* “Ночь и день: их противостояние и их взаимная тяга. Об и.-е. **nok^w-t-* (**nek^w-t-*) & **dein-/*din-* (**dejen-*) и **dein-/*din-* (**dejen-*) & **nok^w-t-* (**nek^w-t-*)” речь идет о двух наиболее распространенных языковых обозначениях ночи и дня в диалектах, представляющих собой филиацию индоевропейского праязыка, о денотатах этих обозначений, о порядке следования членов как в обозначающем, так и в обозначаемом. Положения автора обосновываются на внушительном и.-е. языковом материале, иллюстрируются примерами из различных и.-е. традиций.

И.А. Герасимов в статье “К вопросу о рефлексах и.-е. ‘солнца’” рассматривает некоторые обозначения ‘солнца’ в и.-е. языках и ставит вопрос о правомерности использования так называемой ларингальной метатезы при их реконструкции. В части и.-е. диалектов представлена гетероклитика с протерокинетической парадигмой, в некоторых реконструируется лексема общего рода с голокинетической парадигмой. В результате проведенного анализа автор ставит под сомнение необходимость использования ларингальной метатезы при реконструкции лексем в различных и.-е. диалектах. Наблюдаемая морфонологическая регуляризация должна быть достаточно поздней, поскольку для нее необходимо, чтобы ларингалы уже исчезли. Большинство проблем реконструкции лексемы солнца можно решить, не используя ларингальную метатезу.

Статья *А. Либермана* “Mannus-script: происхождение германского слова *Man* ‘муж, мужчина’” содержит как верные замечания, так и весьма сомнительные утверждения. Тем не менее, эта статья представляется полезной хотя бы из-за предоставленной читателю возможности самостоятельно уточнить этимологию, углубить реконструкцию лексемы и реконструировать ее первичную семантику, благодаря кри-

тике (чаще поверхностной, но заставляющей задуматься) расхожих историко-этимологических и лексико-семантических обобщений по поводу герм. *Mannus*. Не в ладах автор и с ранними формами религии, имеет смутное представление о культе родоначальника, культе предков (с. 189). Поэтому его попытки осмыслить “первоначальный” концепт герм. *Mannus* выглядят наивными, анахроничными и поверхностными. Не отличается глубиной и критика этимологии этого общегерманского слова у М.М. Маковского. Автор пишет следующее (с. 193): “Обычно он (М.М. Маковский) предлагает серию сопоставимых родственных форм только в рамках своей картины древнего языческого мира (без какого-бы то ни было уточнения: просто примитивного и языческого), а его закономерности реконструкции основаны на произвольных семантических переходах (предположительно имевших место в том примитивном мире), на широчайших сравнениях форм разных языков и диалектов, и на положении, что большая часть начальных согласных – потенциальные префиксы (типа *s-mobile*), и могут поэтому опускаться по желанию. Звуковые соответствия редко играют роль в его умозаключениях”. Затем (с. 193–194) зачем-то подробно цитируется текст М.М. Маковского, что совершенно излишне, раз уж автор осознал некоторые ошибочные приемы последнего. А сам этот текст М.М. Маковского окончательно сбивает читателя с намеченной автором статьи линии рассуждения. Легковесное поверхностное утверждение о том, что иран. **baga-* и слав. **bogъ* являются экспрессивными и оноματοпозитическими словами и не требуют никакой этимологии, так как звуковые соответствия в них не могут быть установлены, плохо характеризуют автора и остаются на его совести. Окончание статьи конфузно и беспомощно в сопоставлении с заявленными в начале претензиями на углубление и новое осмысление этимологии и семантики этого, безусловно, достойного внимания, германского слова. Стремление автора проследить путь от примитивного фантома до божественного предка-эпонима тевтонов и до обиходного слова “мужчина” в германских языках ничем не увенчалось: гора породила мышь.

Ж.-Ж. Пино в статье “Тохарск. А *k^hli* и Б *klyiye* ‘женщина’” попытался предложить новое этимологическое решение. После кропотливого сопоставления разных парадигм склонения имен автор приходит к выводу, что словоизменение этого сущ. в двух тохарских языках отражает смешение двух разных парадигм, которое произошло еще в общетохарском. Формы именительного падежа ед. ч. были утрачены (с. 219). Эти рассуждения, вероятно, будут приняты сочувственно индоевропейцами. Далее автор реконструирует особый ларингал на конце корня **g^helh₂-* ‘dripping, flowing’ и связывает этот корень семантически с месячными очищениями женщин. Мне эта реконструкция представляется сомнительной. С одной стороны, привлекает сопоставление с и.-е. **g^helh^h-* ‘женская утроба’, а с другой, я бы подумал о возможности продолжения в тохарских диалектах и.-е. **k^hel-/*kul-* ‘род, семья’.

М. Петерс в статье “Госпожи, которые не хотят месить (тесто)” развивается мысль Гётлинга о том, что наименование амазонок (Ἀμαζόνες) есть производное от гл. ἄμαζω, μάσσω. Автор использует (цитирует, приводит в сносках) обширную литературу по вопросу. Справедливы суждения автора о морфологической структуре имени (с. 219). Действительно, данный аллоэтноним входит в один ряд с македонскими собирательными именами Менад Κλώδωνες, Κλωδονες, Μιγαλλόνες, Μιγαλλῶνες, и собирательных мифологических персонажей Κηληδόνες, Горυόνες и т.п. Отмечается широкое распространение подобного словообразования в виде топонимов и этнонимов в Иллирии и Италии. Отталкиваясь от этимологии наименования Менад Мималлон, автор разделяет предложенную некогда этимологию наименования Амазонок как “не желающих месить (тесто)”. Все же семасиологическая аргументация подобной этимологии неубедительна. Ее приходится просто принять к сведению, так как мотивы и принципы архаичной номинации тайных женских союзов родо-племенного общества сокрыты непроницаемой тьмой веков (амазонки фигурируют в мифах о периоде между 1800 и 1200 гг. до н.э.). Античные комментаторы и этимологи также не предоставили нам решающего аргумента. Разумеется, женщины, вступавшие в тайный женский союз, могли отказываться выполнять обыденные “женские” дела (прясть, ткать, месить тесто). Но это не гарантирует номинацию по невыполнению определенных функций. Сомнения все же остаются. Тем более, что всем известное толкование Геродота (амазонки – “без груди”) также имеет поддержку в практике ритуального членовредительства при посвящении в тайные союзы.

Весьма интересна статья Н.Н. Казанского “К этимологии древнегреческого νήπιος”. Автор предполагает, что первичным значением слова было ‘не имеющий зрелости, мощи’, что оно этимологически родственно ἀνηπελίη ἄσθένεια ‘бессилие’, εὐηπελής ‘процветающий’ и ὀλιγηπελής ‘малосильный, слабосильный’. Предполагается также, что это слово продолжает и.-е. сложный деприватив *η-Н₂piio-, корень которого, *Н₂ep-, тот же, что и в лат. *aptus*, хетт. *happaru*. Значение слова следует реконструировать как ‘сделать подходящим, годным, готовым’. Греч. νήπιος < и.-е. *η-Н₂p-iio-, в таком случае значит ‘физически еще не годный, незрелый’. Реконструкция корня *Н₂ep- позволяет предложить новое этимологическое решение для теонима Аполлон, представленного диалектными вариантами общегреч. Ἀπόλλων, фессал. Ἀπλουv, киприот. *A-pe-i-lo-ni*, Ἀπειλων, микен. *pe-ro₂-ne*. Все они продолжают, по мнению автора, архетип с чередованием вокализма *Н₂péliōn / *Н₂póliōn ‘отличающийся мощью, могуществом’. Статья отличается ясностью, последовательностью и известной долей самокритичности, обыкновенно присущими автору. Правда, осталось ощущение, что сам он так и не убедился в предложенной интерпретации окончательно (во многих случаях он приводит альтернативные решения, толкования, этимологии,

оставаясь честным со своими читателями). Нет окончательной уверенности в верности предложенной этимологии и у меня.

В статье И. Якубовича “Карийский памятник” анализируется высокочастотное карийское слово *ipe, ie* ‘памятник, стела с посвятительной надписью’ из надписей Египта. Автор рассматривает несколько возможных этимологий, предложенных для этого карийского слова, и приходит к заключению, что оно является отглагольным именем от *ib-* ‘принести’.

Статья А.В. Грошевой “Индоевропейское наследие в латинских названиях деревьев”, посвященная рассмотрению трудов Ж. Андре (1956), А. Эрну (1965) и П. Фридриха (1970), оставляет впечатление очень грамотной, добросовестной, информативной, полезной и интересной. Приятна объективная манера, похвальны акрибия и осведомленность автора. Читая эту статью, лингвист неизбежно возвращается к рассмотрению проблем латинской этимологии в лексико-семантическом поле названий деревьев.

Позволю себе поделиться с читателями своими соображениями по поводу некоторых, уже устоявшихся этимологий, ни в коей мере не умаляющими заслуг автора статьи.

Так, я бы усомнился в правомерности отнесения лат. *baca* ‘ягода’, *arbor* ‘дерево’ и *silva* ‘лес’ к числу слов неизвестного происхождения (с. 252). Обращает на себя внимание сродство *baca* с кельт., иллир. или прагерм.(?) **bāka* (< **bhāga*), наименованием бука и букового леса *Bacenis*; лат. *arbor* (из **ardhor*) ‘дерево’ в самом лат. имеет родственное слово *arbustum*; *silva, sylva* находится в родстве с греч. ὕλη. Возможность выяснить их происхождение еще остается.

К сожалению, предположив кельтское происхождение *opulus* ‘клен’ (с. 254), автор не развила эту мысль дальше.

И.-е. основа **Hosp^h-* ‘осина или тополь’ представлена не только в ареалах герм., слав. и балт. языков, но и во Фракии: Ἄσιντια ‘осиновая или тополияна (область)’.

Лат. *pōpulus* ‘тополь’ и слав. **topolь* не столь близки, как привыкли думать (с. 255). В частности, при регулярном соответствии в праслав. ожидалась бы форма **t/papьlь*. Для итал. *pioppo*, рум. *plop* и алб. *plep* реконструируется прототип **plop[u]llus*, еще более затемняющий происхождение лат. и слав. форм.

Несмотря на традицию, реконструкция прототипа лат. *ornus* в виде **osinos* сомнительна (строится на допущении ротацизма и синкопы *-i-*) (с. 256). Достаточно сопоставить лат. *verna* ‘черная ольха’ (с. 257) и *ornus* ‘дикий горный ясень’, чтобы допустить другую проформу **uernos*, **uerna* совершенно иной этимологии.

Столь же сомнительна привычная реконструкция прототипов других лат. названий ясеня: *farnus* из **bherg[s]nos*, *fraxinus* из **bhergsinos* (с. 256). На этой реконструкции основаны как сопоставительный ряд названий березы в др.-инд., слав., балт., герм. и лат. языках, так и констата-

ция семантического переноса ('береза' ~ 'ясень'). Между тем, лат. *farnus* и *fraxinus* можно реконструировать в виде **dharnos*, **dhraghsinos* (аналогично лат. *faber*, *fētūra*, *fūmus* ~ праслав. **dobrь*, **dětвora*, **дыть*) или **gharnos*, **ghraksinos* (аналогично лат. *favēre*, *furnus* ~ праслав. **gověti*, **гьрънь*), и поиски этимона приведут к совершенно другим и.-е. корням: **dheregh-s-no-* / *dhorgh-s-no-* / *dhrgh-s-no-* 'ягодные кустарниковые растения, beertragender strauehiger Pflanzen, терновник, Dornstrauchern' (Pokorny I, 258), **dhernos*, **dhornos* 'колючка, тёрн, Dorn' (Pokorny I, 258), **gher-/*ghrē-/*ghrō-/*ghrā-* 'веточка, сук' (Pokorny II, 440) или **ghrōs-/*ghrās-* 'трава', 'растение' (Pokorny II, 445).

Предполагаю, что лат. *alnus* 'ольха' – производное с суф. *-n-* от и.-е. **al-* 'красный, алый'. Одна из причин особого отношения древних к ольхе заключается в том, что древесина срубленного дерева, сначала белая, становится затем красной. Ольха как будто истекает кровью, как человек. Ольха замечательна еще и тем, что из нее можно получить три красителя: красный из коры, зеленый – из цветов и коричневый – из молодых веточек.

Подозреваю ущербность реконструкции прототипа лат. названия вяза в виде **lmó-* 'пожелтевший, желтый'. В палеобалканских, герм., слав. языках бытовали формы, явно продолжавшие архетип **ūlmós*, *ūlmós*: фриг. ελυος 'свирель из букового дерева', др.-в.-нем. *ulmbout*, др.-англ. *ulmtreow*, нем. *Ulme*, праслав. **vьlьmь* толкуются как производное с суф. *-mo-* от и.-е. гл. **uel-* / *ūl-* / *ul-* 'рвать, драть (лыко)' (вяз имеет гибкое лыко, годное для вязки) (ср. ЭССЯ 8, 222–223).

В случае реальности соответствий галл. *Bāg-acon*, раннепрагерм. *Bāc-ēnis*, общегерм. **bōk-*, лат. *fāgus* 'бук' и греч. βῆγός, φηγός 'дуб' поддержку идею автора, вынесенную, к сожалению, в сноску 22 (с. 260). Из положения о том, что бук и дуб объединяет то, что оба дерева имеют съедобные плоды (буковые орешки и дубовые желуди соответственно), следует, во-первых вывод о вероятности изначального наименования и того и другого дерева и.-е. словом **bhāgos* (это уmozаклучение обесценивает так наз. "аргумент бука"), а во-вторых – вывод о весьма вероятном родстве греч. диал. βῆγός, φηγός 'дуб' и глаг. φαγεῖν 'есть', невзирая на количественное различие корневых гласных.

Попутно замечу, что название леса в стране свебов *Silva Bācēnis* (совр. Гарц), вероятно, передает раннепрагерм. **bāk-ēn-is*, прототип позднейшего нем. *Buchen-wald* (< **bōk-*) 'буковый лес' (с. 260).

Возведение лат. *ebulus* 'бузина' к и.-е. **edhlo-* 'ель' (с. 261) представляется мне этимологическим тупиком, выход из которого не подскажет и.-е. омонимия. Я бы обратил внимание, прежде всего, на и.-е. **āblo-*, **ablu-*, **abalo*, **ābel-*, **ābōl-* (ср. праслав. **abolнь*, лит. *obelis*, *obelis̃s*, *obelīj*; *ōbuolas*, *ōbulas*, *ōbalas*, др.-исл. *eple*, ирл. *ubal*, а м. б. даже др.-инд. *abala-*) со значительными количественными и качественными колебаниями в вокализме (см. ЭССЯ I, 41, 42–43, 44–45, 47). Дальнейшие связи, происхождение и первичное значение этого и.-е. слова не ясны.

С одной стороны, вероятен единый источник для и.-е. **ābōlos*, **ābōlos*, с другой стороны, вариативность значения ‘яблоко’, ‘яблоня’, ‘платан’, ‘бузина’, ‘омела’, ‘орешник’ делает весьма вероятной реконструкцию первичного значения ‘(мелко)плодное растение (с кислыми плодами?)’ (ср. еще праслав. **amel-* / **emela* / **omela* (ЭССЯ 6, 26–27; 32, 84) и греко-лат. **mālom*).

Обстоятельства происхождения лат. *nux Abellana* ‘лесной орех, фундук’ от названия кампанского города *Abella*, изобиловавшего яблонями и орешником, в достаточной мере освещенные А.В. Грошевой (с. 264–265), прекрасно иллюстрируют идею о мотивации наименования мелкоплодных растений (будь то мелкое дикое яблоко, мелкоплодная бузина или мелкий орех). Все вышеизложенное позволяет допустить исконно и.-е. этимологию лат. *ebulus* ‘бузина’ < **ebōlos* с первичным значением ‘(мелко)плодное растение и его плоды’.

По моему глубокому убеждению, лат. *cornus* и греч. κράνος ‘кизил’ сродни праслав. **čьrvь*, **čьrvjenъ*, **čьrmь*, **čьrmьnъ* ‘красный, алый, кровавый’, а может быть и **kry*, *krъve* ‘кровь, кровавое (мясо)’. К этой группе слов примыкают ст.-лит. имя бога-покровителя вишен *Kirnis* и греч. κέρασος, κεράσος ‘вишня’ (якобы, неиндоевропейского, анатолийского происхождения!). И.-е. корень **kŕ-*, **kár-* лежит в основе нескольких производных слов (суф. *-m-*, *-n-*, *-s-*, *-ŭ-*), обозначающих объекты кроваво-красного цвета. Поэтому лат. *cornus* могло иметь первичное значение ‘растение с плодами ярко-красного (кровавого) цвета’. Названия кизила и вишни мотивированы самым заметным признаком их плодов – при их сборе руки окрашиваются в ярко-красный, а иногда и кроваво-красный цвет. Всякого рода гадания и сомнения по этому поводу излишни (с. 262–263).

Этимология лат. сущ. *salix* ‘ива’, прилаг. *salignus*, *saligneus* также представляется мне совершенно ясной. Однокоренным словом для *salix* является *saliva* ‘слюна’. Это сопоставление покажется моим ученым коллегам невозможным, но оно неизбежно. Мотивация наименования “плакучей” ивы коренится в ее самой заметной особенности во время активного сокодвижения: на ветвях в большом количестве появляются подобные плевкам пенные образования, из которых капает дождик ивовых слез. Аналогичную мотивацию наименования можно предположить и для слав. названия липы (производное от гл. *лѣтъ* вопреки ЭССЯ 15, 114–116, где праслав. **lipa* соотносится с **lipnŕti*), так как в период сокодвижения это дерево также изливает капель. Кроме того, лат. слова *salix*, *salignus* и *saliva*, по моему мнению, одного происхождения с праслав. **slъza*, **slizь*, а м. б. и **sl'una*, а также лит. мн. ж. *slīėkas* ‘слюни’. Реконструкция начальной лабиализированной сибилантной фонемы *sʰ* – лишь один из способов примирения рефлексов лат. *salix* ~ греч. ἑλίκη ~ др.-исл. *selja*, др.-англ. *sealh* (из **salhjon*) ~ праслав. **slъza*. Причина различий в рефлексах может быть сокрыта в просодической природе слогаобразующего *l̥* в *slk-* / *slk-* или *slg-* / *slg-* (объяснение в духе Л.Г. Герценберга и В.А. Масловой).

Латинские слова *corilus*, *corulus*, *corylus* (< *kosēlos / *kosōlos*) обозначают лесной орех, ореховый кустарник, гибкие прутья которого издавна применялись для изготовления плетенок, корзин, плетней (что отчасти проиллюстрировано цитатами из латинских классиков – с. 264). Помимо внешних соответствий (др.-ирл. *coll*, др.-в.-нем. *hasal*), лат. *corilus* имеет внутреннее соответствие в *quālum*, *quasillus* ‘корзинка’ (заимствование из некоего италийского языка без ротацизма, м. б. венецкого?), а следовательно, одного происхождения с праслав. *košь (< **košjo-*) ‘плетеная корзина, плетеный улей, плетеный короб; верша; крона дерева’, *košelь, *košela ‘плетень, плетеная изгородь, большая плетеная корзина; плетеная сумка, корзинка’ (< **kosěl-*), производными от и.-е. **kos-* / **kes-* ‘крутить, сучить; сгребать, чесать’ (ЭССЯ 11, 187–189, 195–197). Это парадоксальное сопоставление (лат. *kosēlos ‘орешник’ и раннепрасл. *kosěla ‘плетеная корзинка’) позволяет по-другому взглянуть на мотивацию названия этого растения.

Праслав. *obrěхь, *obrěšьnikъ *obrěšiti (ЭССЯ 29, 71–74, 76–77, 77–80) невозможно вывести из **q[h]ar-*, лежащего в основе наименований ореха в др.-греч., албанском, литовском (с. 265).

В сюжете о лат. *carpinus* ‘граб’ вновь остались за пределами и.-е. сопоставлений праслав. слова *grabь, *grabrь, также образованные от глагола со знач. ‘грести, царапать, грабить’. А примеры из русск. языка приведены латиницей из цитируемого иноязычного текста!

Весьма полезным было бы в разделе, посвященном этимологии лат. *pinus* ‘сосна’ (с. 266–267), рассмотреть и данные славянских языков (русско-цслав. *пѣкъль*, ст.-слав. *пѣцьль* ‘смола’) в связи с лат. *pix*, *picis*. Все и.-е. примеры, обозначающие смолу и смолистую сосну, приведенные на с. 267, подсказывают все же этимологию лат. *pī-nos ‘смолистый, дающий смолу’, в котором лат. *pī-* соответствует прочим и.-е. **pī-t^h*-. Долготу корневого гласного я объяснил бы компенсацией выпавшего или ассимилированного согласного (из *pitnos).

Чтение сюжета о лат. *querquus*, *quercus*, *querceus*, *quercinus*, -a (с. 267–269) заставляет задуматься об ареалах, в которых представлены и.-е. **k^uerk^uos* и **perk^uus*. Примечательно присутствие форм, близких лат. *quercinus* ‘относящийся к дубу, дубовый’, на Балканах и в Северном Причерноморье: топонимы и гидронимы в Каркинитском зал. *Carcina*, *Carcinitis*, Карківітіс, Керківітіс, город в Скифии Карківη, Керківη, залив и река Карківітіс или Керківітіс, -ιδος неотделимы от названия горного массива во Фракии Керківης (горный массив на границе Македонии и Фракии, ныне – Пирин-планина) – и.-е. **kwerkw-* ‘корковый дуб’, *kwerkwina ‘дубовая’; ср. др.-греч. Керківітіс – озеро Тахино, Керківέου φρούριον в Фессалии, иллир. топоним *Cercinium castellum*, венецк. *Quarqueni*, Корковтоі, названия о-ва Кóркyра, Кéркyра; весьма вероятно реконструкция и.-е. диал. **k^uerk^uin-* / **k^uork^uin-* ‘дубняк, дубовая роща’. Топонимы и гидронимы в Каркинитском зал. (татар. *Джарыл-агач* ‘опаленное молнией дерево’, т.е. дуб!) все производны от и.-е.

*k^werk^w- ‘корковый дуб’, *k^werk^win-os,-a ‘дубовый, -ая’. Все они связаны с горой, поросшей дубовым лесом, с культом горного бога громовержца, перуновым дубом.

Далее, имеем, с одной стороны, лит. *Perkūnas*, лтш. *Perkons* ‘бог грозы’, а с другой – фракийское божество Πρωετ Перковет (дат. п.), город в Пропонтиде Περκώτη (ср., впрочем, др.-инд. *parkaṭi* ‘фиговое дерево, смоковница’). Сюда, возможно, относятся и кельт. оронимы Ἀρκύνα ὄρη, *Hercynia silva*. А вот отнесение сюда же прагерм. *ferguni ‘горы’, нем. топонимов *Fergunna* ‘среднеевропейские горы’, *Virgunt* ‘Судеты’, др.-исл. *Fjorgyn* ‘мать бога грома (Тора)’ (< **feryun-* < **perghun-*) сомнительно. Сопоставлять их с слав. *Перунь*, *Перынь* (*Пурин*), албан. *Perëndi* ‘бог, небо’, хет. *Perunaš* ‘скала’ и вовсе невозможно (все они имеют иные этимологии). Следует также устранить из сопоставительного ряда др.-инд. теоним *Parjānya-*, *Parjanya-* ‘бог грома и дождя’, который может оказаться родственным *Prajāpati* ‘властелин творений’.

При этом за рамками исследования остается проблема реконструкции этимона прагерм. **furh-* < **purk-* (др.-в.-нем. *foraha*, др.-исл. *fjorr*, *fura*, англ. *fir* ‘сосна’, ср.-в.-нем. *fereh-eich* ‘высокий дуб’).

Напрасно А.В. Грошева положила на мнение Андре о неиндоевропейском происхождении пралат. *mōrus ‘тутовое дерево, шелковица’ и греч. μόνρον – тж. Достаточно вспомнить праслав. *marati, чтобы понять мотивы номинации как греко-лат. *mōrom, так и арм. *mor*, *mori*, *moreni* ‘ежевика’. Подобные черные плоды, быстро марающие руки и одежду сборщиков, и дали название плодовым растениям. Ср. сходный мотив номинации праслав. *malina (ЭССЯ 17, 158–160).

Относительно тиса, известного в памятниках русской письменности XI–XVII вв. в виде тисса, тисник ‘кедр, сосна’, следует заметить, что это слово возводят к праслав. *tisъ, восходящему к и.-е. диал. **tigs-* : **tags-*, соотносительного с др.-инд. *taṣṣaka-* ‘порода дерева’, лат. *taxus* ‘тис’. Относительно нерегулярного соответствия лат. *taks-* ~ праслав. **tīks-* или **teiks-* (?) осмелюсь пока предложить лишь объяснение на основе вариативности просодического показателя при его переходе на уровень гласного.

В заключительной части статьи автор рассматривает морфологические показатели рода у латинских названий деревьев. Здесь особо выделим исключительную латинско-славянскую изоглоссу желудя (лат. *glans*, *glandis* < **g^ulandis* – праслав. **želqdi-* < **g^uēlandis*), так как все другие и.-е. однокоренные названия имеют иные расширители основы, суффиксы и флексии (с. 271). Различие в огласовках лат. *glandis* и праслав. *želqđь может быть вызвано различиями в отражении просодического показателя над слогообразующим сонантом (**g^ulndis*?).

С некоторыми выводами и заключениями автора статьи позволю себе не согласиться (с. 271–272). Сама эта добротная статья наглядно демонстрирует тот факт, что достоверных этимологий латинских назва-

ний деревьев становится все больше, “белых пятен” все меньше. Очень часто удается установить характерный признак, положенный в основу при наименовании дерева (цвет и вид плодов; цвет, вид, свойства и хозяйственное использование коры, прутьев, листья; особенности сокодвижения и т.д.).

Статья А.Е. Кузнецова “Древняя этимология латинского *prodigium* (Varro Fr. 440 Funaioli)” является важным дополнением к обширной литературе о роли этого института в религии, политике и словесности Рима³. Уточнение семантики термина, по мнению автора, возможно в результате подправки античного комментатора: *prodigium... quod [porro pro] longius [in futurum] dirigit significationem. Prodigium* понимается как чудо или знамение (пророческий сон), указывающее не на любое событие, но предписывающее совершение впредь, в будущем, определенных ритуальных действий (с. 276–277). Однако относительно возможной этимологии на базе варроновской науки А.Е. Кузнецов высказывается отрицательно. С устранением варроновских свидетельств утратятся основания, по которым *ago* ‘закалывать жертвенное животное’ (в ритуальном смысле *agon*?) может быть сведено к *ago* ‘вести, делать’. Восстанавливаемая на основе предлагаемого автором членения **prod-ig-ium* самостоятельная лексическая единица *-ig-* (с. 281) является продолжением и.-е. **iag-* ‘совершать жертвоприношение, ритуал, очистительный обряд и т.п.’, ср. др.-греч. ἄγ-, др.-перс. *yaz-*, др.-инд. *yaj-*, праслав. **jъg-*. В этом можно согласиться с А.Е. Кузнецовым.

В статье Е.Р. Hamp “Albanian gjerb ‘gulp, slurp’” говорится о том, что трактовка этого слова в Албанском этимологическом словаре В. Орла (Orel AED 132–133) неудовлетворительна, не отвечает на вопрос о происхождении и реконструкции праалб. **serba*. Критическому разбору подвергнуты толкования и реконструкции Б. Демирая⁴ и Э. Чабея⁵. “Сухим остатком” разбора является констатация нескольких ступеней огласовки этого корня в некоторых и.-е. языках (ср. алб. *gjerb*, лат. *sorbeo*, др.-греч. ροφέω < **srobh-*, арм. *arbi* < **srbh-*, лит. *surbiù* < **srbh-*, праслав. **sъrbati* < **srbh-*). Хэмп настаивает на первичности и.-е. корня **srobh-* / **srebh-*, а формы **sorbh-* / **serbh-* считает инновационными. Более того, он полагает, что албанская и латинская формы возникли независимо друг от друга (с. 284). Для истолкования звуковых изменений албанского слова, Хэмп реконструирует последовательность **srobh-éje/o-* > **sôrb-ije/a-* с соответствующим перемещением ударения. В результате этой реконструкции автор приходит к выводу, который представляется и мне весьма убедительным: рефлексy и.-е. анлаутного **s-* зависят от и.-е. ударения в первом слоге.

Очень полезной для этимологов, семасиологов и этнолингвистов окажется статья Н.Л. Сухачева «Семантика слова и его этимология; рум. *Craciun* ‘Рождество’». В ней читатель обнаруживает прекрасный образчик критики общепринятых способов приведения семантической аргументации этимологии слова, находит много точных, верных наблю-

дений. К сожалению, авторский анализ сам по себе оказался слабым и нерешительным.

В связи с приводимыми латинскими этимологиями этого слова автор отмечает находчивость интерпретаторов, терпеливо подгоняющих семантику слова и его формы под искомое терминологическое значение. Семантическая история заимствованного слова опирается на его исходное значение в языке-источнике. При этом смыслообразование фактически сводится к оперированию готовыми формами и значениями, которые лишь претерпевают закономерные фонетические и смысловые сдвиги в заимствующем языке (то есть сам процесс категоризации предмета мысли обычно игнорируется). Обычно этимологический анализ претендует на вскрытие логических или психологических переходов от значения к значению, исходя из общей для них внутренней формы, под которой скрывается некое инвариантное обозначаемое. Реконструируемая внутренняя форма слова намечает лишь самую общую схему порождения смыслов, отражая не столько некие семантические закономерности, сколько исторически сложившуюся традицию, в которой функционирует то или иное означающее.

Автор полагает, что можно было бы образно назвать фонетическую реконструкцию действием арифметическим, имеющим дело с реальными звуковыми значениями, тогда как семантическая реконструкция имеет дело с алгебраическими формулами (с логикой умозаключений), в которые с легкостью могут быть подставлены любые реальные значения. Это происходит как в истории отдельных слов, так и в ходе этимологических разысканий. Аргументация в пользу того или иного этимона чаще всего опирается на культурно-исторические реалии, их наименования, весьма опосредованно отражающие особенности мышления, прагматически ориентированного, симпрактического или логико-дискурсивного типов. Подобная аргументация нередко игнорирует явление изменчивой динамики отношений между языком и мышлением в целом.

Н.А. Сухачев полагает, что понятия “Рождество”, “шаг” и “обрубков дерева” все же исторически не могут быть разведены в качестве несовместимых (омонимичных) значений (– с. 293). Вост.-роман. формы вполне могут быть сопоставлены с праслав. *korčunъ (ЭССЯ 1984, 11: 56–58). Но свойственная этим формам специфическая семантика требует дополнительных оговорок в связи с исходным значением, постулируемым в качестве глубинного этимона глагольной формы. Далее автор подробно рассматривает разнообразные рефлексy праслав. *korkъ, *korka (с. 293–295). Однако самостоятельное рассуждение автора о морфологии и словообразовательной модели юж.-слав. *kračun* не слишком убедительны. Едва ли правомерно реконструировать словообразовательный ряд юж.-слав. *kračьнь → вост.-ром. *crăciun и констатировать в дальнейшем обратное заимствование вост.-ром. *Crăciun* ‘Рождество’ славянскими языками (с. 295–296).

Ближе к истине словообразовательная модель названий действующего лица или вещи по результату (признаку) действия с суф. *-ун* от соответствующего гл. (т.е. юж.-слав. *кращун* от гл. *кращити* ‘шагать’). ИС *Кращун* в таком случае означало бы не ‘ногастый’, а ‘тот, который шагает, делает шаг’, ср. *бегун, скакун, пачкун, хранун, болтун* и проч.

Однако в итоге проделанной автором работы я прихожу к противоположному выводу. Я бы обратил внимание этимологов на альтернативную словообразовательную возможность: слав. сущ. **korčunь* [**kortjunь*] (*кращунь, корочунь*) от гл. **kortěti, *kortiti* (*кратити, коротити*) ‘укорачивать, коротить, оканчивать’ (как некогда проницательно рассуждали Ф. Миклошич и Г. Вайганд). Тут оказывается кстати известное и автору высказывание А.М. Ремизова “Коротит дни Корочун, дней не видать, только вечер и ночь” (с. 296). Боюсь, что речь должна идти не только о возможности контаминации омофонных форм **korčunь ~ *kortjunь*, производных от гл. **korčiti ~ *kortiti* соответственно, но и о первичности именно второй словообразовательной модели (**kortjunь* из **kortiti*). Косвенной иллюстрацией этой возможности могут послужить вост.-ром. формы типа мегленорум. *crățun, cărțun* в сопоставлении и с рум., арум. *crăciun*. В таком случае и семантическая история слова будет выглядеть совершенно иначе. Слав. концепт *Кращунь* ‘короткие дни во время зимнего солнцеворота, короткие ночи во время летнего солнцестояния’ тождествен лат. концепту *Bruma* < **breuima = breuissima* [*dies*] ‘период кратчайших дней в году, зимнее солнцестояние’, слав. веселая ночь перед Рождеством – лат. веселому языческому празднику *Brumalia* (*Saturnalia*).

Зимний солнцеворот (ныне 20-е числа декабря) отмечался орфиками как день рождества Зевса Загрея, сына приснодевы Кору, на Крите. Праздники и обряды Брумалий и Сатурналий, восходящие к критским, сохранялись и в Риме. Когда римской христианской общиной управлял епископ Телесфор, этому популярному языческому празднеству было противопоставлено празднование Рождества Христова, бывшее сначала календарно подвижным. Празднование Нового года было введено римской церковью в 353 г., а константинопольской – в 379 г. Как известно, в румынской фольклорной и обрядовой традициях элементы языческого и христианского происхождения тесно переплетены. Славяне также сохранили множество языческих пережитков, связанных с *Кращуном* – *Корочуном*. Если и можно говорить о заимствовании славянами концепта *Кращуна* у римлян, то произойти это должно было еще до победы иудео-христианской идеологии в империи. Местом подобного культурного и языкового взаимодействия, скорее всего, была провинция Дакия. Дальнейшее славяно-вост.-романское культурное взаимодействие привело к вытеснению латинского наименования *Brumalia* южно-славянским *Кращун*, в отличие, например, от произошедшего с названием праздника *Rosalia*, которое потеснило собственно славянское наименование (вост.-ром. *Русалия* дало производящую основу для сущ. *русалка*).

Статья *А.И. Фалилеева* “Галатика” посвящена изучению кельтских языковых реликтов античной Анатолии. К корпусу остатков кельтского языка в Галатии⁶ автор добавил четыре имени, два из которых несомненно кельтского происхождения (Διαστολή, Βεῖταμα), а два других, по крайней мере, допускают кельтскую интерпретацию (Λευκίω, Σατών). Автор надеется, что дальнейшее изучение эпиграфики Анатолии и критическое переосмысление уже имеющихся в распоряжении исследователей данных позволят пополнить наши знания о языке анатолийских галатов.

В статье “Эя и Троя (Прагреки в Северо-Западной Анатолии и происхождение топонима Αἶα)” *В.Л. Цымбурского* сделана очередная попытка лингвистической аргументации гипотезы о Троадской промежуточной прародине прагреков. К сожалению, и этот опыт имеет вид решения уравнения со многими неизвестными, вид гипотезы, построенной на целой веренице гипотез. При сравнении этой публикации со статьей *Р.В. Гордезиани*⁷ с сожалением отмечаю волюнтаризм и анахронизм в интерпретации мифологического и лингвистического материала, иногда свойственный *В.Л. Цымбурскому*.

Перечислив некоторые толкования названия мифической страны Αἶα, автор статьи отвергает их, как “вообще-то сомнительные”. И тут же предлагает не менее сомнительную этимологию на основе крито-микенских a_3 -*wa-ja* – *Aiwaiā* (?), a_3 -*wa-ta* – *Aiwātās* (?), слов с невыясненным значением (даже контекстуальным!), а следовательно, без убедительной реконструкции и этимологии.

Затем, вдруг обратившись к созвучию др.-греч. диал. αἶα ‘земля’ и названия острова Αἶα, автор предполагает их связь с крито-микенской кличкой быка a_3 -*wa* – *Aiwants* (?), допуская их родство с именем героя Αἶας, -αντος. В результате он приходит к выводу о том, что в микенском греческом существовали как полные омонимы слово *aiwa- “земля” и название далекой страны *Aiwa- (что имеется в виду под этими -*a*-?). Далее излагаются соображения о вероятности существования параллельных основ на -*ia* (*aiwīa & *Aiwīa).

Оставив и это сопоставление, *В.Л. Цымбурский* проявил исключительный интерес к догадке *В. Пизани* (1943) в передаче *П. Шантрена*⁸ о возможном родстве с греч. диал. ἦῶν, αἶῶν ‘берег’. Эту догадку автор статьи подкрепляет гомеровскими “вполне нейтральными относительно разбираемой гипотезы” контекстами (с. 309). “Несмотря на все эти сложности” его весьма привлекает мысль о допустимости для αἶα первичного знач. ‘край земли, побережье’. Вероятно, *В.Л. Цымбурский* оставил без внимания предложенную некогда этимологию греч. αἶα в связи с прагерм. *awjo ‘остров’, которая ему здесь весьма бы пригодилась.

Но он вновь возвращается к имени героя Аякса, поддержав аргументацию *Э. Бете*⁹ и *Л.С. Клейн*¹⁰ о его вероятном божественном происхождении, о боге “Пра-Аяксе” (!). Далее этого в деле установления этимологического родства *Эи* и *Аякса* автор не пошел.

Он “доосмыслил” этимологию этника эолийцев, предложенную О. Каррубой¹¹: др.-греч. Αἰολεῖς – др.-лидийск. прилагательное с суф. -al- *Ai(a)wales, а возможно и *Aḥhiyawales ‘древние жители страны Аххия(ва)’. Здесь любой филолог, хоть сколько-нибудь знакомый с др.-греч. словообразованием, недоуменно воскликнет: “Разве форма Αἰολεῖς не является мн. ч. к Αἰολεύς букв. ‘происходящий от Эола’, производного на -εύς от имени родоначальника Αἶολος?”. Разумнее реконструировать Αἰολεῖς как *aiḥoleues, что делает невозможным выше предложенную этимологию. Этимология Каррубы, столь сочувственно принятая В.Л. Цымбурским, невероятна даже с привлечением хетт. титулатуры ^{LUGAL} a-ia-ḫa-la-as ‘царь народа айавала’.

Имя родоначальника Эола Αἶολος, как справедливо утверждается в сноске 3 на с. 310–311, регулярное отглагольное прилаг. с суф. -ол-, надо полагать, соотносительное с глаг. αἰόλλω ‘поворачивать туда и сюда, вертеть(ся)’. Определение ‘верткий, проворный, вертлявый’ подходит как теленку (ср. микенскую кличку быка a₃-wo-ro ‘Быстрый’), так и ребенку (αἰόλος, Αἶολος). Просодическое различие устранимо с учетом других производных от этого глагола: с одной стороны αἰολικός или αἰόλιος ‘эолический’, с другой – ἄελλα ‘быстрое движение или вращение’, и αἰέλουρος, αἰλουρος ‘кошка’, букв. ‘вертящая хвостом’. Образование этнонима Αἰολεῖς от поэтического αἶα “земля (о Фессалии)” признается невозможным и в цитируемой работе Г. Хенигсвальда¹². Попав здесь в этимологический тупик, В.Я. Цымбурский решил подкрепить шаткое положение о тождестве Αἰολεῖς и *Ai(a)wales, *Aḥhiyawales общеисторическими соображениями и археологическими материалами, подбор которых остается на совести автора.

Автор полагает, что отрицать тождество Аххиявы XV–XIII вв. с Микенской Грецией невозможно (с. 310). Это тождество справедливо ставится под сомнение не только многими здравомыслящими историками, но еще большим числом языковедов. Действительно, тождество хетт. Aḥhiyawa, Aḥhiuwa, Aḥhiya ‘этно-культурная общность и ее страна’ и др.-греч. Ἀχαι(φ)οί, Ἀχαιῶ ‘потомки Ахая и их страна’ трудно доказуемо (сомнительно отражение греческим χ хетт. ларингала ḫḫ, различно суффиксальное оформление греч. -αι(φ)οί или -αι(φ)ιοί (?) и хетт. -iḫa, -iḫawa, -i[i]uwa). Др.-греч. οἱ Ἀχαιοί – форма мн.ч. к Ἀχαιός, имени родоначальника, сына Ксута и брата Иона, безотносительно к реальному этимону основы (ср. др.-греч. τὸ ἄχος, -εος ‘печаль, грусть’, Ἀχαιῆ ‘печалаящаяся, скорбящая богиня Деметра’).

Автор статьи “склонен видеть в хетт. Аххия, Аххиява старое (?) название малоазийского региона, ставшее в устах хеттов и лувийцев традиционным наименованием для всего эгейского пространства, заселенного и контролируемого ахейскими греками – выходцами из Аххиявы...”. Он утверждает, что на пути из степей Северного Причерноморья на Балканы часть прагреков освоила Трою и сопредельные с нею к югу земли будущей Эолиды, послужившие мигрантам промежуточной пра-

родиной на пути в Грецию, там же они, якобы, восприняли от туземцев название Аххия, Аххиява. Этими туземцами он полагает пралувийцев (отсюда суф. *-awa, -iwa*) и пралидийцев (формы с падением ларингала типа **Ai(a)wales*). Подобная аргументация этимологии едва ли найдет сочувствие у современных историков и уж наверняка не встретит поддержки у здравомыслящих лингвистов и этимологов.

Вообще, вся гипотеза троадской промежуточной прародины прагреков находится в вопиющем противоречии со всей совокупностью мифологических, этногенеалогических, исторических преданий самих древних греков. Напомним, что из родословных мифов и данных исторической ономастики Эллады следует, что собственно прародители и предки современных греков изначально населяли различные области к югу от горы Олимп. Никаких языковых, ономастических или мифологических свидетельств об иной прародине греческого языка не существует.

Те историки и лингвисты, которые развивают гипотезы среднедунайской или северопричерноморской прародины прагреческого языка, не могут привести ни одного убедительного примера ономастики прагреческого облика в указанных регионах. Прекрасной иллюстрацией этому наблюдению служит и рецензируемая статья В.Л. Цымбурского, в которой не обнаруживается ни одного убедительного примера в пользу гипотезы “промежуточной прародины прагреков в Трое”. Приводимые аргументы за редким исключением гипотетические, гадательные, сомнительные, опрометчивые – с. 312, 314. Не спасают эту гипотезу различные допущения и предположения о некоей раннегреческой группе, которая “мощно влилась в правящую элиту Трояды, и более того, возобладала в этой элите” (с. 312, sic!), о “возобновлении почитания старой сакральной метрополии-родины героя-предка” локрами (с. 313), о тождестве строителя троянских стен Эака и эгинского Эака (с сомнением в правомочности греч. предания!), о первой Эе-Аххияве, с которой в конце III тыс. до н.э. (!?) познакомились прагреки, которая “простиралась к югу от Геллеспонта на землях будущей Эллады (sic! Трояды?)”. Все это из серии *lame excuses*.

Далее автор вновь возвращается к отождествлению Αἴα и ἄϊών ‘берег’, но наталкивается на особенности вокализма, требующие, по его мнению, особого обсуждения (которое впрочем, не последовало). В.Л. Цымбурский утверждает, что анат. *Aḥḥiya* с его расширенными вариантами должно иметь сходное с αἴα значение в диалектах (с. 314).

Следующие два абзаца статьи предлагают головокружительно смелую попытку дать толкование анатол. *Aḥḥiya* на основе лувийского союза и наречия *aḥḥa* ‘вслед за тем как’, ‘после того как’, ‘когда’. Далее следует “любопытная переключка” и.-е. **meǵʰ-* с близким по смыслу **eǵʰ-*, касающаяся походя соотношения предлогов-приставок **mbʰi ~ *(e)bʰi* (как их теперь понимают, нетождественных). Эта аналогия распространена автором на слав. **ezero, *ozero* и греч. Ἀχέρων, этимологизируемые на базе и.-е. наречия **meǵʰ-* в нулевой огласовке (сноска 7).

В заключение первого раздела статьи автор приходит к выводу о том, что *Aḫḫiyawa*, *Aḫḫiuwa*, *Aḫḫiya* к югу от Геллеспонта означала “крайнюю страну, область” Малой Азии (приводится аналогия с Украиной). Предполагается существование двух значений: “ближний край” для любых переселенцев с Балкан и “дальняя окраина” с точки зрения хеттских и лувийских уроженцев южных и внутренних малоазийских районов. Действительно, остается только пожалеть об отсутствии данных о сохранении этих смыслов в названии Аххиявы для позднейших хеттов и лувийцев. Наконец, автор сообщает о том, что именно в Сев.-Зап. Анатолии, на землях Эи “Пра-Аххиявы” прагреки получили мифологическое представление о некоей еще более дальней “последней” или “мировой” Эе (!) возле Океана на востоке.

Дополнение, озаглавленное “Аргонавтический миф и промежуточная прародина греков”, состоит из большой цитаты (с. 316–318) рукописи доклада 1987 г., в которой излагается предположение о том, что миф об аргонавтах – это цикл сказаний о ритуальных путешествиях греков к заморским сакральным центрам. Это толкование уже заняло достойное место в ряду аналогичных гипотез о реальной подоснове Аргонавтики: астральный миф (описано странствие солярной ладьи по знакам зодиака), мистериальный миф (о посвящении в таинства), календарный миф (об обряде священной весны), “экономический” миф (пиратские рейды микенских греков с целью вывезти золотые слитки в виде руна) и многие др. Лингвистического материала тут немного, отметим только несколько темное слово *какапретендент* “плохой претендент” (?).

Безусловно, полезными для исследователей “Аргонавтики” будут перечисленные на с. 318 некоторые верные замечания о хеттских аналогах мифическим сюжетам из публикации В.Г. Ардзинбы¹³. К этому добавлю лишь, что образ руна весьма напоминает известные этнографам чуринги¹⁴. Попутно замечу, что греч. βύρσα ‘содранная шкура’ и ‘мех для вина’ могло быть заимствовано как из семитского источника (ср. ст.-ассир. *gursānum*, угарит. *kršn* ‘мех, кожаный сосуд’), так и из хетт. *gurša* (*kurša*) ‘руно’. Последнее даже более вероятно.

Последняя часть статьи (с. 319–320) несколько перегружена нетерминологическими оборотами типа: “реконкиста промежуточной прародины”, “реконкистадорские интенции”, “праструктура”, “Пра-Аххиява”, “вдохновившись переключкой имен минийцев и Миноса”, “минийское плавание”, “воображение праэолийцев пережило географическую революцию”, “величальное имя” и далеко идущими гипотетическими и риторическими вопросами, оставляющими читателя в некотором недоумении.

Статья Х.Л. Гарпия-Рамона “Авест. *Yuxtāspa* и авест., др.-перс. *Vīštāspa*, греч. *Zeύξίπλος* и *Ἰπλόλυτος* (*Λύσιπλος*)” посвящена рассмотрению иранских ИС, в составе которых есть *-aspa*, и аналогичных греч. ИС с *-иплос* в составе. Автор полагает, что сложные имена собственные возникли на базе словосочетаний (фразеологизмов) “впрягать лошадей”

и “распрягать лошадей”. Статья содержит много примечательных сопоставлений подобных словообразовательных моделей в др.-инд., хетто-лув., крито-микенск. языках.

Не менее интересна и статья *Р. Шмитта* “Иранские личные имена собственные с отгисков печатей из Даскилея”. Автор продолжает цикл своих работ по изданию и анализу личных ИС с отгисков печатей из раскопок центра персидской сатрапии в Даскилее близ совр. Эргили (1952–1955 гг.). К царским именам Ксеркса и Артаксеркса¹⁵, известным уже относительно давно, добавлены имена *Māhi-baujāna-¹⁶, **Sugdiya-*, *Patiš, *Vahuš, **Atrpāta-*, *Aryamanā, **Zāta-vahyah-/* **Zātu-va-hyah-*. Др.-перс. ИС толкуются автором весьма убедительно на основе сопоставления и сравнения с уже известными иранскими именами.

Последний раздел сборника озаглавлен “Язык, текст, культура”.

А. Бернабе в статье “Хеттское “великое странствие души” и орфические надписи на металлических пластинках. Новый взгляд” обнаружил серию весьма значительных элементов, сопоставимых в хеттском тексте “Странствие Души” и в орфических надписях на металлических пластинках и в прочих документах религиозного сообщества, которое принимало Орфея за первоучителя. Автор обнаружил также существование значительных различий между двумя традициями (хеттской и орфической), особенно в том, что относится к ритуальному контексту. Причину сходства (двух традиций) автор усматривает в том, что орфизм унаследовал ряд характерных черт некоей древней средиземноморской религии, которые оставались отчасти оккультными в греческом обиходе при введении олимпийской религии. А различие между двумя традициями, по его мнению, обязано своим появлением идеологическому и культурному различию хеттов и греков, и, особенно, тому факту, что орфические тексты принадлежали мистериальной религии посвященных в таинства, существовавшей отдельно от официальной религиозности (хотя и не направленной против нее), между тем как “Странствие Души”, хранимый в дворцовых архивах текст, возможно, был более интегрирован в официальную религию. Мое внимание привлекла неубедительная этимология греч. τέναςος ‘неглубокая вода, лагуна, отмель’ на основе сопоставления с хетт. *tenawas* ‘некое место, местность, равнина, река или водоем забвения’ (с. 354–355).

Хуан Антонио Альварес-Педроса в своей статье “Восприятие природы в хеттских ритуалах” в конце детализированного анализа ритуала против половой немощи приходит к заключению, что хетты имели позитивное восприятие природы как чистого места, незагрязненного людьми, с многочисленными целительными способностями. Речь идет о важной констатации, что отношение людей к природе должно быть иным, не враждебным, как у противников, которые постоянно должны сражаться посредством всяких ухищрений. Напротив, отношение хеттов к миру природы оказалось “экологичным” и связанным с религиозным восприятием природы как благодатной сущности, в которой пребывает

божественное и по отношению к которой должен поддерживаться некий “природный” культ.

Очень интересна статья *Е.Р. Крючкова* «“Царь” и “Бог” у индо-греков по эпиграфическим данным». Автор констатирует факт, что в индийской части билингв представлен пракрит, который был в употреблении на территории исторической области Гандхары (долина Кабула, Афганистан), являлся литературным языком для местных буддийских школ и монастырей (гандхари). Греч. титул ἐπιφανής ‘воплощение бога’ регулярно соответствует пракрит. *pracacha-* ‘видимый, явленный зримо’, которое передает лишь “бытовую” часть значений греческого слова. Греко-индийские монетные билингвы не дают ни одного примера соположения слов θεός и *deva-* как смысловых эквивалентов при переводе. Рассмотренные эпиграфические материалы свидетельствуют о том, что греческие традиции и язык на Среднем Востоке накладывались на весьма разнородный местный материал (ср. бактр. *bago šao* ‘бог-царь’, *šao bagouro* ‘царь-сын бога’, индоиран. *deva-*, *daiva-* ‘бог’ и ‘демон’ и греч. θεός).

Не менее занимательна статья *С. Фриц* и *Й. Гуннепт* “Armeno-ossetica: об историческом фоне нартского эпоса”. Авторы отмечают смешение у Мовсеса Каланкатоваци этнонимов *alank* ‘аланы’ и *alowan* ‘алванцы’. В обильно цитируемых армянских и грузинских текстах отмечу примечательные МН *Kawkas* – Кавказ, *Darialanis-* – Дарьял, *Kowr*, *Matkuar-* – река Кура; *Kambečooan-* – река *Kambyzos*; *Sakaw*, *Šawaršakan* / *Šawaršan*; ИС *Bazuq*, *Abazuq*, *Sumbat*, *Azork*, *Armazel*, *Sanesan* – царь массагетов; этнонимы *alank* – аланы; *ovs-* ‘асы’, *leq-* ‘лакцы’, *pačaniq-* ‘печенег’, *ziq-* ‘черкессы’, *durzuq-* ‘аварцы’, *dido-* ‘дидойцы’, *mazk’t’ac* – массагеты, *honk* – гунны, *p’oxk* – ?, *basilk* – берсилы. Похоже, соавторы сомневаются в тождестве эпич. имени *Шатана* и арм. истор. *Sat’enik*. Однако предлагаемое ими выведение осет. *Satana*, балкар. *Satanay* из предполагаемого *Xšathrānā* (ср. ИС *Ξαρθαβοϛ*, Танаис) представляется весьма сомнительным.

В статье *Т.В. Топоровой* “О модели “локус – имя собственное” в скандинавской мифопоэтической модели мира” речь идет о существительных, обозначающих локус и его владельца одним и тем же языковым элементом. Помимо семиотических и мифопоэтических описаний в работе представлены и этимологические толкования. Относительно некоторых из них можно высказать иные соображения. В частности, прагерманская форма для локуса севера реконструируется как **norþ-* и, действительно, имеет великолепную умбр. параллель *nertru* ‘слева’ (ср. авест. концепцию севера как “задней стороны”). И.-е. архетип, в таком случае, следует реконструировать как **nert-*, **nort-*. Именно в этом направлении следует вести поиск мотивации слова. Осталось неясным, почему автор констатирует отсутствие и.-е. параллелей герм. локусу Юг и Запад, ср. др.-греч. Нот и Геспер. Полагаю, что существует и.-е. параллели и герм. локусу **day-* день – др.-греч. Гемар, Геме-

ра. Второй раздел статьи посвящен примерам герм. словообразования, в которых имя собственное образовано от того же корня, что и локус, но оно осложнено суффиксом. Аургелмиру лучше соответствует один из космогонических демиургов Понт, от соединения с Геей, породивший Нерея и Нереид, Радугу, вихри и смерчи, Форка и Кето, Форкид и Горгонид и т.д. Особую группу составляют синтаксические модели со структурой “имя собственное в род. пад. и локус”: Мимира источник и Судьбы источник. Этимология др.-исл. *Mimir*, как ее трактуют западные этимологи (< *mi-moro- ‘память’), позволяет допустить цельнолексемное заимствование из лат. *memoria*. Альтернативная этимология на базе прагерм. **turn-* ‘горевать’, ‘траур’ также применима к данному локусу. Этимология локуса *Muspell* упирается в проблему выбора между прагерм. **mund-*₁ и **mund-*₂. Основной вывод автора заключается в опровержении принятой априори изначальной недифференцированности или синкретизме ном. loci и ном. prorg., трактующихся как пассивная и активная ипостаси одного и того же объекта, и в постулировании тезиса о первичности локуса и вторичности имени собственного субъекта, его обладателя.

Статья А.Б. Черняк “Секст Помпей и его жаргон” посвящена текстологическому и стилистическому анализу текстов С. Помпея. В результате автор приходит к заключению, что Секст Помпей первым из римлян стал говорить на народном языке и благодаря блеску его имени и свидетельству Веллея мы можем датировать дифференциацию “латынь” – “романский” уже серединой I в. до н.э.

В статье Г. Буддрусса «“Постройка мельницы бога Мары” – анализ одного прасунского текста из афганского Гиндукуша» публикуется прасунский текст с построчным переводом на немецкий язык, вольным переводом, примечаниями к тексту и подробнейшим глоссарием, перечнем глагольных корней и грамматическим очерком. Работа, сделанная автором над текстом столь экзотического кафирского языка, выше всяких похвал.

Статья З.А. Юсуповой и А. Гармиани “К изучению лурских диалектов курдского языка” посвящена наименее изученной области иранской диалектологии. Соавторы рассматривают показатели определенности и неопределенности, множественного числа, показатели локатива, изафетные формы диалекта файли. В заключение приводится диалектный текст и его перевод.

В статье И.А. Смирновой “Строки Хафиза в газели курдского поэта Маляе Джезири” представлен перевод на русский язык газели Маляе Джезири (с. 477–478). Автор отмечает, что в исследованной газели чрезвычайно выражен антипод фахра в виде самоуничтожения перед славой корифеев персидской поэзии.

Л.Э. Найдич в статье «Стихотворение “Поэт Фирдоуси” Генриха Гейне» представлен литературоведческий анализ текста. В приложении даны текст Г. Гейне и перевод В. Левика (с. 485–490).

Завершает третий раздел сборника добротный перевод В.С. Соколовой авестийского Тиштр-яшта, выполненный в 1950-е годы. Остается только пожалеть, что возможность ознакомиться с этим переводом представилась лишь спустя полвека.

В приложении к сборнику даны очень удобные индексы слов, включая реконструированные формы. Это значительно облегчает поиск интересующих языковых форм, за что следует выразить признательность редакционной коллегии сборника и корректорам издательства, благодаря кропотливому труду которых опечатки во всем сборнике и в индексах практически единичны.

Примечания

- ¹ Haudry J. L'emplois du cas à védique. Lions, 1977, 449.
- ² Lehmann W. Proto-Indo-European Phonology. Austin, 1952, 108.
- ³ Bloch P. Le prodige dans l'antiquité classique. Paris, 1963; Santini C. Letteratura prodigiale e "Sermo Prodigialis" in Giulio Ossequente // Philologus CXXXII, 1988, 210–226; Sacchetti L. Prodigii e cronaca religiosa: uno Studio sulla Storiografia Latina Archaia // Accademia Nazionale dei Lincei. Classe di scienze morale, storiche e filologiche. Memorie. Seria 9, vol. 8, fasc. 2. Roma, 1996, 155–260.
- ⁴ Demiraj B. Albanischen Etymologien. Amsterdam, 1997, 187.
- ⁵ Çabej E. Studime gjuhësore. Studime etimologjikë në fushë të shqipes. Pësishtinë, 1976.
- ⁶ Regional Epigraphic Catalogues of Asia Minor. Vol. II: the Ankara District. The Inscriptions of Galatia / Ed. By S. Mitchell & others. BAR International Series 135. Oxford, 1982.
- ⁷ Гордезиани Р.В. Аἶα в древнейших греческих источниках // Античность и современность. К 80-летию Ф.А. Петровского. М., 1972, 178–187.
- ⁸ Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots, 1–2. Paris, 1968, 408.
- ⁹ Bethe B. Homer. Dichtung und Sage. Bd. 3. Berlin; Leipzig, 1927, 115–123.
- ¹⁰ Клейн Л.С. Анатомия Илиады. СПб., 1998, 192–196.
- ¹¹ Carruba O. Lydisch und Lyder // Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. Bd. 8, 1963; Idem. Ahhiyawa e altri nomi di popoli e di paesi del Anatolia Occidentale // Atheneum. T. 42. 1964.
- ¹² Hoenigswald H. The Name of the Argolid // Word. Vol. 31. 1980, 105–106.
- ¹³ Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М., 1982, 10, 42, 45–46, 51–55, 65, 125, 129, 132, 145–146.
- ¹⁴ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990, 26, 71, 383, 390, 459, 526, 527, 574.
- ¹⁵ Schmitt R. Altpersische Siegelinschriften. Wien, 1981, 32.
- ¹⁶ Schmitt R. Die iranischen und Iranier-Namen in den Schriften Xenophon's (Iranica Graeca Vetustiora II). Wien, 2002, 108.